

Глава 12. Сталинский разгром Красной Армии

*И противник начал нам помогать,
когда понял, что мы делаем.*

М. Жванецкий

Бей своих, чтобы чужие боялись

Германия перевооружалась. Гитлер не скрывал намерения завоевать всю Европу. Его антикоминтерновский пакт с Японией в 1936 году, к которому присоединилась Италия, так называемая «ось Берлин — Рим — Токио», был направлен в первую очередь против СССР. Разгром Гитлером многих стран Западной Европы, высокий уровень вооружений гитлеровской армии представляли явную угрозу. В 1927 г. Бухарин утверждал, что *«земля дрожит уже отдаленными гулами великих революций, которые превзойдут по своему размаху даже то, что мы пережили и перечувствовали»*. На самом деле уже в то время над СССР нависла мрачная тень грядущей войны.

С 1926 года Сталин установил контроль над вооруженными силами, назначив Ворошилова наркомом обороны. Увеличение численного состава и модернизация армии предусматривались индустриальными и политическими планами. Всеми вопросами, связанными с увеличением и реорганизацией армии, Сталин руководил лично. В современном военном деле он понимал мало, но активно вмешивался во все, ничьих советов не спрашивал и никаких возражений не допускал. Например, Сталин приказал сначала расформировать танковые корпуса, парашютные дивизии и стратегическую авиацию. Вместе с Ворошиловым он считал, что конница с шашками важнее. Правда, уже в 1940 году он приказал снова создавать танковые корпуса, а также организовать три парашютных корпуса.

Исповедуя лозунг: «Кадры решают все!», он не мог не понимать, что чистки не способствуют повышению обороноспособности страны. Но армия была реальной силой, способной захватить власть и устранить его самого. Маячила тень Троцкого — первого организатора и руководителя Красной Армии. Среди коллаборационистов Европы, сотрудничавших с Гитлером, оказались Дорио, бывший член руководства Французской компартии, и Квислинг, бывший лидер Рабочей партии Норвегии, входившей в Коминтерн. Они предали дело рабочего класса. Наверно, он решил, что борьба с внутренней оппозицией важнее внешней угрозы. И жестоко просчитался.

К середине 30-х годов Красная Армия уже представляла собой грозную силу. По сравнению с европейскими армиями, насчитывающими десятки или сотни тысяч солдат (самая большая — французская 300 тыс.) советская армия росла, как на дрожжах: от 2,5 млн. в начале 30-х до 5 млн. в конце 30-х. Основной вклад в реорганизацию армии внес Тухачевский. Жуков в воспоминаниях отдает должное его профессионализму, пониманию как тактических и стратегических задач, так и важности научно-технического укрепления армии и флота. Были разработаны и приняты на вооружение новые образцы техники, в том числе танков и самолетов.

Пропагандистская работа в Красной Армии обеспечивала безусловную поддержку партии. Во время коллективизации армия, несмотря на то что основной

костяк ее составляли крестьяне, не колеблясь, выполняла приказы по борьбе с кулаками и реквизиции хлеба. Постоянно увеличивалось число вступающих в партию: к концу 1934 года весь высший командный состав и 93% командиров дивизий были коммунистами. Главным недостатком была малограмотность — не только солдатской массы, но и командиров. Страна готовилась к войне. Лозунг «пушки вместо масла» относился к СССР в большей степени, чем к любой другой стране, включая фашистскую Германию.

Сталин к армии относился как к элите. Высшие офицеры имели дачи, автомобили и прислугу. Высший командный состав награждали орденами и медалями. Правда, Тухачевского Сталин не любил из-за разногласий во время гражданской войны и его явного противостояния Ворошилову. Однако ценил за способности и назначил на высшую должность, а в 1935 году присвоил Тухачевскому звание «Маршал Советского Союза». Поначалу Сталина устраивало противостояние двух группировок в руководстве армии, это давало возможность сохранить политический контроль. Сохранившаяся переписка Тухачевского с Ворошиловым касалась, главным образом, кадровых вопросов, которые Ворошилов решал в соответствии со своими «конноармейскими» представлениями.

Грозовые тучи начали сгущаться над армией в начале 1937 года. На «процессе семнадцати» прозвучали имена некоторых командиров. Тухачевский остался заместителем наркома обороны, но попал под подозрение. Еще 1 мая 1937 года Тухачевский стоял рядом со Сталиным на трибуне Мавзолея Ленина и принимал парад. Он подошел к пику карьеры, а в случае войны с Германией — маршал был уверен, что она неизбежна, — становился заместителем Главнокомандующего. Ему поручили представлять Советское правительство в Лондоне на коронации короля Георга VI. Но за несколько дней до отъезда назначение отменили. Освободили от должности замнаркома и послали командующим Волжским военным округом. Прибыл он туда 25 мая, а на следующий день его арестовали. «Трудноуправляемых», инициативных, способных иметь собственное мнение командиров постепенно убирали тем или иным способом. Так погибли Михаил Фрунзе, Григорий Котовский, некоторые другие.

Возвращаясь к Тухачевскому, заметим, что в 1937 году военный суд признал его и семерых генералов виновными. В состав суда входили четыре маршала. Ворошилов и Буденный беспрекословно повиновались Сталину; Егоров еще со времен гражданской войны был под влиянием Сталина; Блюхер, человек независимого склада ума, показавший выдающиеся способности и храбрость на Дальнем Востоке во время гражданской войны, видимо, не имел выбора и подписал смертный приговор, надеясь послушанием спасти себя. Не спас. Позднее Блюхер и Егоров тоже были уничтожены. 12 июня 1937 года объявили, что Тухачевский и генералы, виновные в «шпионаже и измене Родине», расстреляны. Их обвиняли в шпионаже в пользу Германии и Японии и заговоре с целью отдать территории на Украине и Дальнем Востоке в обмен на военную помощь в свержении Сталина и его режима.

Как впоследствии выяснилось, «доказательства» сфабриковала немецкая разведка с учетом патологической подозрительности Сталина, который поверил им благодаря особо чувствительной для него теме — попытке свергнуть его. Мистификацию блистательно провело гестапо, агенты которого передали Москве

сфабрикованные материалы о заговоре в высшем военном руководстве СССР; их почти одновременно передали советским послам в Париже и Праге премьер-министр Франции Даладье и президент Чехословакии Бенеш. Инициаторы операции — Гитлер и руководитель гестапо Гейдрих, донесли Сталину на Тухачевского, разумеется, не из личных симпатий к вождю коммунистической страны. Провокацию тщательно разработали — в ней использовали как подлинные документы, так и специально сфабрикованные.

В конце шестидесятых появились воспоминания переводчика Гитлера Пауля Шмидта (Пауля Карелла). Он утверждал, что заговор высших руководителей Красной Армии действительно имел место и сформировался в начале 30-х гг. при активном участии заместителей наркома обороны Я. Гамарника и М. Тухачевского, а также командующих ряда военных округов. В заговоре принимали участие и видные партийные руководители, среди которых Пауль Шмидт назвал первого секретаря Азово-Черноморского края Шеболдаева. Заговор сложился якобы благодаря связям, установленным Тухачевским и другими советскими военачальниками с германскими военными, находившимися в СССР с начала двадцатых годов. А пребывание немецких генералов было необходимо для активного тайного сотрудничества в военной области между СССР и веймарской Германией, которой по Версальскому договору запретили наращивать военный потенциал. П. Шмидт утверждал, что *«решающим мотивом для политической оппозиции Тухачевского была внешняя политика Сталина. Тухачевский все больше убеждался в том, что союз между Германией и Советским Союзом был неумолимым велением истории, с тем, чтобы развернуть совместную борьбу против "загнивающего Запада". Во время своей поездки весной 1937 г. в Лондон на похороны короля Георга V Тухачевский дважды посетил Берлин. Тухачевский воспользовался этой возможностью для того, чтобы провести переговоры с ведущими немецкими генералами. Он хотел получить от них гарантию того, что Германия не воспользуется революционными потрясениями в Советском Союзе в качестве предлога, чтобы начать поход на Восток... Переворот был назначен на 1 мая 1937 г., главным образом из-за того, что первомайские парады позволяли осуществить значительные перемещения войск в Москву, не вызвав подозрения».*

Сведения, подброшенные немцами, Ежов совместил в докладе Сталину с «признанием», сделанным в конце 1936 года В. К. Путной, бывшим военным атташе в Лондоне, Токио и Берлине, который в прошлом был активным членом троцкистской оппозиции. НКВД предъявил сведения о заговоре, о котором впервые вскользь сказано во время допроса Карла Радека в январе 1937 г. на процессе по так называемому делу параллельного троцкистского центра.

Празднование 1 мая в Москве для посвященных в суть дела прошло в обстановке тревожного ожидания, так как не было уверенности в том, что оно не пойдет по первоначальному сценарию Тухачевского. По свидетельству очевидцев, во время парада среди собравшихся на трибунах людей пошел слух, что вот-вот начнется стрельба по Мавзолею, и Сталин будет убит. Сейчас трудно сказать, насколько этот слух имел под собой основания. Однако Павел Мешик, впоследствии ставший руководителем СМЕРШ (расстрелянный вместе с Л. П. Берия после смерти Сталина в декабре 1953 г.) в частных разговорах утверждал, что первый орден Ленина он получил за успешную поимку террориста,

который уже был готов открыть огонь по трибуне Мавзолея во время первомайских торжеств 1937 года.

Тухачевского и его «подельщиков» расстреляли еще до суда. По словам замнаркома внутренних дел Фриновского: *«Весь советский строй висел на волоске. Действовать обычными методами мы не могли — сначала провести процесс, а затем казнь. В данном случае пришлось сначала расстрелять, а затем вынести приговор»*. Только в июне 1937-го объявили об аресте маршала Тухачевского, командующих Украинским и Белорусским военными округами Якира и Уборевича, заместителя командующего Ленинградским военным округом Примакова, начальника Военной академии имени Фрунзе Корка, начальника Управления кадров Красной Армии Фельдмана, комкоров Эйдемана и Путны. Сообщалось также о самоубийстве Гамарника.

Приведение приговора в исполнение явилось началом чистки в вооруженных силах. С особой жестокостью она проводилась в 1937—1938 годах. Наиболее сильно пострадал высший командный состав. В результате чистки уничтожены трое из пяти маршалов Советского Союза, 13 из 15 командующих армиями, 57 из 85 командиров корпусов, 110 из 196 командиров дивизий, 220 из 406 командиров бригад, все 11 замнаркомов обороны, 75 из 80 членов Военного совета и тридцать тысяч офицеров в звании полковника. В заговоре якобы были замешаны десятки тысяч человек. Многие из военачальников, включая будущих маршалов Рокоссовского и Мерецкова, которых освободили в начале Великой Отечественной войны, стали жертвами сталинской репрессии. Но большинство погибли или остались в заключении на многие годы. Из 19 командиров Красной Армии высшего ранга 18 были расстреляны. Уцелел Шапошников, бывший царский полковник; член партии только с 1930 года. Из 15 армейских комиссаров 14 было расстреляно, один успел застрелиться сам. После «Великой чистки», уничтожившей почти весь высший командный состав, дивизиями и корпусами командовали вчерашние капитаны и майоры, произведенные теперь в генералы.

Чистку в вооруженных силах проводил Ежов, активно помогали ему Мехлис и Щаденко. Мехлис, журналист и редактор «Правды», возглавил Политическое управление в армии. Он был фанатично предан Сталину. Щаденко стал помощником комиссара по военным вопросам. В армии этих людей ненавидели. Чистка проводилась в два этапа. Перерыв между ними позволил провести обучение и назначение молодых офицеров на место ликвидированных. Новое поколение офицеров и было теми людьми, на которых Сталин полагался. Он намеренно удалил из армии ветеранов гражданской войны.

Надо отметить, что нарком обороны Ворошилов активно поддерживал репрессии в армии. По заведенному порядку, он подписывал расстрельные списки и приказы на аресты как руководитель ведомства, в котором проводились репрессии. Его позиция определялась тем, что Ворошилов не понимал и не принимал новой стратегии вооружений, основанной на использовании танков и самолетов; человек недалекий, малограмотный, военная карьера которого сложилась в гражданской войне, он продолжал уповать на кавалерию с шашками и тачанки с пулеметами. Активно и подчас успешно протестуя против механизации армии, проводившейся Тухачевским, он понимал, что в случае принятия этой доктрины ему придется отдать Тухачевскому и пост наркома обороны. Поэтому

армия во главе со своим наркомом приняла или, по крайней мере, молчаливо согласилась с чисткой.

Шапошников, Жуков и другие хранили молчание, возможно, полагая, что их противодействие вызовет еще более масштабную кампанию чисток в армии. Но есть и другая версия. Марк Штернберг пишет: *«Много десятилетий название Халхин-Гол вызывает в памяти россиян лишь имя Георгия Жукова как полководца, чуть ли не единолично разгромившего орды японцев. Так сложилось, что имена подлинных творцов той победы почти неизвестны потомкам... По итогам операции на Халхин-Голе сотрудниками Управления фронта составлен большой и объективный труд, одобренный генштабом в начале 1940 года и рекомендованный к публикации»*. Петр Григоренко вспоминает: *«В нем не было нападок на Жукова и похвал Штерну, но каждый прочитавший поймет, кто чего стоит. Понял это и Жуков. Первое, что он сделал, став в феврале 1941 года начальником генштаба, потребовал эту книгу и начертал: "В архив. Они там не были и ничего не поняли". Но ведь он знал, что писали ее участники тех событий. Да, знал — и запомнил, и расплатился в свое время. ... Арест Г. Штерна в июле 1941 года, через месяц после назначения Жукова начальником генштаба, не мог произойти без санкции Жукова, такой тогда был порядок. А может быть — без его инициативы?»*

Зная характер Жукова, конечно, нельзя его обвинить в ликвидации героев Халхин-Гола, Героев Советского Союза генералов Г. Штерна — командующего Дальневосточным фронтом и Я. Смушкевича — командующего военно-воздушными силами, хотя его подпись и может стоять на их «Делах». Но элемент карьерной борьбы безусловно сыграл роль в иезуитском плане сталинских репрессий. В результате этой борьбы, как правило, выживали более искушенные в дворцовых интригах, но менее способные в военной тактике и стратегии. Что касается новых молодых офицеров, прошедших отбор и обучение, они не имели практического опыта командования войсками. И учились они уже во время войны.

Потери от репрессий среди командного состава были на порядок больше тех, которые могли бы быть, если бы Красная Армия потерпела военное поражение. Были уничтожены также сотрудники органов разведки и зарубежных резидентур — столько, что эти органы практически утратили всякую эффективность. В потерях, понесенных не на поле боя, повинен Верховный Главнокомандующий Красной Армии Сталин. Уничтожение Красной Армии накануне войны убедило Гитлера в целесообразности поворота на Восток — второго такого случая разгромить обезглавленную армию могло не представиться. Константин Симонов в книге «Глазами человека моего поколения» приводит запись беседы в 60-х годах с маршалом А. М. Василевским — начальником Генерального штаба во время войны: *«Вы говорите, что без 1937 года не было бы поражений 1941-го, а я скажу больше. Без 1937 года, возможно, не было бы вообще 1941-го. В том, что Гитлер решился на войну в 1941 году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, которая у нас произошла»*.

Ужасающим для страны последствиям кровавого геноцида в армии перед самым началом Великой Отечественной войны до сих пор не находят логичного объяснения. В самом деле, ведь Сталин прекрасно понимал последствия обезглавливания армии, военной промышленности и разведки на фоне реальной угрозы войны. Попытка объяснить это параноидальным помутнением рассудка не

выдерживает критики, поскольку параноидальные приступы длятся часы или дни, а расстрелы генералов в подвалах Лубянки, начавшиеся летом 1937, закончились только в октябре 1941-го, то есть через четыре года, уже во время войны. Как он мог поверить Гитлеру и Гейдриху, ведь он не верил никому, даже из числа проверенных сподвижников? Возможно ли докопаться до истины после уничтожения документов и создания нового массива лживой информации?

Где была «собака зарыта»

Приведем одну из версий, которая логически вписывается в достоверные факты, учитывает властные амбиции Сталина, страх разоблачения. Эта версия основана на многочисленных подозрениях Сталина в связи с царской охранкой до революции — в качестве провокатора, — и позволяет объяснить загадку уничтожения армейской элиты, которая так дорого обошлась народу.

23 апреля 1956 года в американском журнале «Life», по следам разоблачений XX съезда КПСС опубликована статья Александра Орлова «Сенсационная тайна проклятия Сталина». К сожалению, статья затерялась в потоке сенсаций, последовавших за разоблачениями Хрущева на XX съезде, и среди материалов различной степени достоверности реальность описанных в ней фактов не была оценена. Заметим также, что на фоне материалов, выплеснувшихся в публикациях многих бывших сподвижников и соучастников преступлений Сталина (к которым принадлежит прежде всего сам Хрущев), статья человека, носившего клеймо «изменника родины», в популярном, а не специальном журнале, не стала сенсацией. Не поставим в упрек естественный инстинкт самосохранения тем, кто выжил в те годы, творя бок о бок со Сталиным его правые и неправые дела. Понятно, что у «изменника родины» были обиды и претензии к разоблаченному тирану. И кому было дело до провокаторской деятельности Сталина в самом начале века? Однако попытаемся примерить версию Орлова к известным фактам.

Как описано выше, Орлов организовал тайный перевоз золотого запаса Испании в СССР, за что награжден орденом Ленина. Когда весной 1938-го советских резидентов начали вызывать в Москву и расстреливать, Орлов, как опытный разведчик, вычислил свои перспективы. С женой и дочерью он скрылся в США, обратившись в разведорганы Соединенных Штатов. К чести его надо сказать, что он не выдал американцам сведения о советских шпионах, которых знал, в частности о завербованных им Киме Филби, Маклейне, Берджессе, а также европейских резидентах. Для обеспечения безопасности своей и своих родных, оставшихся в СССР, Орлов написал письмо Сталину и тогдашнему наркому НКВД Ежову, в котором клялся, что честно служил советской разведке и не выдаст известные ему тайны, если «его оставят в покое». Он пообещал Сталину: *«если он отыграется на наших матерях, я опубликую все, что мне известно о нем и тайных операциях ОГПУ»*. Это письмо хранится в архивах КГБ, а Орлов умер своей смертью в Кливленде (США) в 1973-м. В 1983 году книга Александра Орлова «Тайная история сталинских преступлений» переведена на русский язык.

В феврале 1937-го, когда Орлов лежал в Париже в клинике после автомобильной аварии, к нему приехал его двоюродный брат Зиновий Кацнельсон — заместитель начальника НКВД Украины. Зиновий умолял брата позаботиться о

своей маленькой дочери, поскольку оказался замешан в заговор военных против Сталина и держал в руках документы, свидетельствовавшие о провокаторской работе нынешнего вождя народов в царской охранке. *«Я содрогнулся от ужаса на больничной койке, — вспоминал Орлов, — когда услышал историю, которую Зиновий осмелился рассказать мне лишь потому, что между нами всю жизнь существовали доверие и привязанность».*

История эта, рассказанная Александром Орловым [А. Orlov. «The Secret History of Stalin's crimes», N.-Y., 1953], как последний фрагмент в пазл, входит в логику цепи страшных событий, наконец, дающих достоверную разгадку причин разгрома командного состава Красной Армии Сталиным.

Разрабатывая сценарий первого из знаменитых московских процессов (1936 год), Сталин предложил тогдашнему начальнику НКВД Генриху Ягоде сфабриковать доказательства того, что некоторые из обвиненных вождей большевизма были в прошлом агентами полиции. Заметим, что эта идея пришла в голову Сталину не случайно, а из определенной ассоциации с собственной биографией. При этом он был уверен, что все материалы на него самого надежно уничтожены, а от Ягоды вовсе не требовалось никаких доказательных документов. Однако Ягода не захотел готовить фальшивку. Он поручил помощнику начальника отдела Штейну, готовившему московские процессы, проверить архив охранки. Там Штейн нашел папку, в которой заместитель директора департамента полиции Виссарионов хранил особо тайные документы. В папке была анкета с приколотой к ней фотографией Сталина, его собственноручные донесения в охранку, а также письмо, направленное товарищу министра внутренних дел Золотареву. Сталин напоминал, что имел честь быть представленным самому Золотареву в приватной комнате ресторана. Далее письмо содержало обвинение Романа Малиновского, который был членом ЦК партии большевиков и одновременно сотрудником охранного отделения, в том, что тот «работал усерднее для дела большевиков, чем для дела полиции». Резолюция Золотарева на письме: «Этот агент ради пользы дела должен быть сослан в Сибирь. Он напрашивается на это». (Сталин действительно был арестован в 1913 г. в Петербурге с помощью того же Малиновского и сослан в Туруханский край — единственную ссылку, из которой он не смог сбежать и отбыл почти четыре года до самой февральской революции).

Штейн забрал папку со «взрывоопасной информацией» и полетел в Киев, где вручил ее своему другу — главе НКВД Украины В. Балицкому. Балицкий посвятил в тайну своего зама З. Кацнельсона. Затем, тщательно проверив подлинность документов, они передали папку члену Политбюро ЦК ВКП(б), Генеральному секретарю ЦК Украины Станиславу Косиору и командующему Красной Армией на Украине Ионе Якиру. Якир вылетел с документами в Москву к Тухачевскому, который доверился Гамарнику... Маршалы и генералы — командующие военными округами — решили собрать совещание в Москве и арестовать Сталина.

Круг посвященных в это дело оказался достаточно широк, и, разумеется, Сталин узнал обо всем. Теперь невозможно установить, был ли на самом деле заговор и кто сообщил Сталину о нем, поскольку все перечисленные участники расстреляны еще до суда над ними. В том числе И. Якир, клявшийся в письме на имя Сталина и Ворошилова в невиновности (резолюция Сталина на письме «Подлец и проститутка»). В том числе верный сталинец Косиор — организатор

раскулачивания и голода на Украине 1932—1933 гг., расстрелянный несколько позднее (в феврале 1939). В том числе и сам Генрих Ягода, а также Николай Ежов, руководившие этими расстрелами.

Орлов узнал о расправе Сталина с генералами и маршалами из экстренного сообщения по радио 11 июня 1937 года. Позже ему стало известно о расстреле Кацнельсона, самоубийствах Штейна и Гамарника, гибели тысяч офицеров, которые подозревались в том, что могли случайно узнать от своих военачальников об истинном лице вождя народов.

«Морально-политический облик» участников этой эпопеи, бывших и палачами и жертвами кровавой разборки 1937 года, можно понять из отрывка из книги Эфраима Севелы «Остановите самолет — я слезу». «Некогда он был большим начальником в ГПУ... сменил фамилию Кацнельсон на Орлов, руководил допросами с пристрастием. Пытал и калечил арестованных по подозрению в нелояльности к советской власти и сам же любил их ставить к стенке... У него была одна слабость, которая придает ему особую привлекательность в глазах мирового еврейства. Больше всего он обожал расправляться с заключенными еврейского происхождения. Чтобы показать свою объективность и отсутствие всяческих сантиментов. Сначала он, как гончий пес, охотился за богатыми евреями и безжалостно расстреливал их за то, что были они эксплуататорами и почему-то не питали большой любви к рабоче-крестьянской власти. Потом он ломал кости евреям из бедных, вступившим в партию большевиков и заподозренным в неискренности и двурушничестве. Тоже отправлял их на тот свет, увеличив их вес на девять грамм свинца. Потом стрелял евреев как врагов народа — английских, японских, польских и каких только хотите еще шпионов. А сам становился все знаменитей и страшней. Им уже бабушки непослушных внуков пугали. Потом... Потом Сталин его расстрелял, как делал это и с другими, назвав посмертно и врагом народа, и английским, японским, польским и каким хотите шпионом. И присовокупив еще нечто новенькое — еврейский буржуазный националист».

Тухачевский тоже не был безгрешным интеллигентом, увлекавшимся музыкой и созданием скрипок. В Гражданской войне он воевал не только против армий Колчака и Деникина, но и против восставших матросов Кронштадта и крестьян Тамбовщины. Известно, что переход подпоручика Тухачевского на сторону большевиков в Первую Мировую войну обусловлен его обидой на несправедливое награждение в царской армии. Честолюбивый любитель и любимец женщин был не чужд карьерных притязаний. Есть подозрение, что Косиор, который запятнан организацией жестокого раскулачивания, передал Сталину информацию о заговоре военных — тоже из карьерных соображений.

Сталин побеспокоился о том, чтобы придать законный вид расстрелу героев Гражданской войны, руководителей Красной Армии, прославленных маршалов. Как следует из мемуаров сотрудника гестапо Вальтера Шелленберга, Сталин сам запросил у Гитлера компромат на Тухачевского и других, не раз бывавших в Берлине по делам закупки вооружений. Запрос сделан через агента НКВД генерала Скоблина и передан в мае 1937-го. Шелленберг пишет: *«Дело Тухачевского явилось первым нелегальным прологом будущего альянса Сталина с Гитлером, который*

после подписания договора о ненападении 23 августа 1939 года стал событием мирового значения».

Если все это так, становится понятным доверие Сталина к Гитлеру, поскольку Сталин сам заказал ему компромат на своих маршалов и генералов. Вот почему у Сталина не дрогнула рука беспощадно расстрелять верхний эшелон Красной Армии перед самой войной, поскольку альтернативой уничтожения командного состава армии было разоблачение его как провокатора и предателя партии, низложение и арест.

В «Тайной истории сталинских преступлений» Орлов написал: *«Когда станут известны все факты, связанные с делом Тухачевского, мир поймет: Сталин знал, что делал... Я говорю об этом с уверенностью, ибо знаю из абсолютно несомненного и точного источника, что дело маршала Тухачевского было связано с самым ужасным секретом, который, будучи раскрыт, бросит свет на многое, кажущееся непостижимым в сталинском поведении».* Но Сталин считал, что секрет похоронен навечно. Еще бы, он уничтожил всех, кто не то что видел, но хотя бы слышал о существовании папки Виссарионова, даже того, кто донес ему об этом. Потом он убил тех, кто убивал их (команду Ягоды); потом он расстрелял Ежова, который расстрелял Ягodu; на всякий случай он уничтожил десятки тысяч офицеров, находившихся в подчинении тех, кто знал о папке. В армии остались только те, что шли в смертельный бой с криками: «За Родину! За Сталина!». Этих в Великой Отечественной войне погибло без малого 10 миллионов. А во главе армии вместо маршалов и генералов, имевших опыт испанской и финской войн, антияпонских операций, доказавших боевую квалификацию (таких как Тухачевский, Блюхер, Смушкевич, Штерн, Якир, Гамарник), встали люди проще и покладистей: Ворошилов, Буденный, Тимошенко...

В ходе войны, правда, появились и новые генералы, которые, поначалу оставив на полях сражений горы трупов и когорты пленных, освоили военную науку и победили врага.